

Ю.М.ВАСИЛЬЕВ

Где искать Ачанский городок?

Рассматривается вопрос о местонахождении Ачанского городка — места зимовки землепроходца Ерофея Хабарова на Амуре в 1651–1652 гг. и анализируются факторы, которые повлияли на выбор этого места. На основании наблюдений о передвижении отряда Хабарова сделан вывод, что Ачанский городок нужно искать значительно ниже г. Комсомольска-на-Амуре. Свидетельством места, где находился Ачанск, могут явиться только погребения 11 погибших казаков.

Where should we search for the Achansky township? Yu.M.VASILYEV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Peoples, FEBRAS, Vladivostok).

A location of the Achansky township, a place of wintering of discover of hitherto unknown lands Erophey Khabarov at Amur in 1651–1652, is considered. The author analyzes the factors, which have influenced the choice of wintering place. Based on information about a movement of the Khabarov party, the author concludes that the Achansky township should be searched for to the south of Komsomolsk-on-Amur. The burial places of 11 lost Cossacks alone can be evidence of a location of the Achansky township.

«**ри плыли семь дней отъ Шингалу Дючерами, все улусы болшіе юртъ по семидесятъ и по осмидесятъ, и тѣтъ все живѣтъ Дючеры, а все то мѣсто пахотное и скотное, и мы ихъ въ пень рѣбили, а женъ ихъ и дѣтей имали и скотъ; и въ осмой день поплыли стоитъ на правой сторонѣ на Каменю улусъ великъ горазно, и съ того мѣста люди пошли имя Ачаны, и съ того мѣста и до моря мѣсто не пашено и скота нѣтъ, а живѣтъ всѣ рыбою: и отъ того улуса плыли двон сутки И сентября в 29 день наплыли улусъ на лѣвой сторонѣ, улусъ великъ, и язъ приказной Ярофейко и служилые и волные казаки посовѣтовали, и въ томъ улусѣ ѹсовѣтовали зимовать, и тѣтъ городъ поставили, и съ судовъ выбрансь въ городъ»**

1652 въ августѣ. Отписка Якутскому воеводу Дмитрію Францеекову служиваго челоука Ерофея Хабарова, о военныхъ дѣйствіяхъ его на рѣкѣ Амурѣ и проч.*

Прошло 350 лет со времени основания Е.П.Хабаровым Ачанского городка (1651 г.), но где же находился он на самом деле, до сих пор остается загадкой.

Более 140 лет назад известный исследователь Приамурья Р.Маак предположил, что Ачанский острожек был сооружен на правом берегу Амура на мысе Кырма [5, с.160].

Другой исследователь Дальнего Востока Л.Шренк высказал, на наш взгляд, наиболее близкое к истине мнение о том, что зимовка Хабарова была в нижнем тече-

ВАСИЛЬЕВ Юрий Михайлович — кандидат исторических наук (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток).

* Пунктуация и орфография оригинальных названий, документов, цитат сохранены. Буква «Ъ» (ять) соответствует современной букве и звуку «е».

нии Амура: «В расстоянии семи дней пути от устья Сунгари, книзу, жили еще Дючеры, а затем от большой деревни, лежащей на горе по правому берегу, начинались Ачаны. Среди них, проплыв еще несколько дней по течению, 29 сентября остановился зимовать. С этою целью он построил крепость на левом берегу реки, на месте, где находилась большая деревня, и назвал ее «Ачанским городом» [15, с.108]

В 1946 г. экспедиция Хабаровского педагогического института обнаружила на мысе Джари (выше с. Троицкого) остатки городища XI–XIII вв., которые были приняты за остатки Ачанского городка. Позже это подтвердилось археологическими исследованиями [6, с.12–16]. В 1954 г. Н.И. Рябов и М.Г. Штейн заявили, что именно здесь он и находился: «Место, где построен был городок — мыс Джари — в трех километрах выше села Троицкого Нанайского района. Скалистый выступ, господствующий над просторами Амура, открывает широкую перспективу. Это и привлекло Хабарова» [12, с.180–184].

В 1960 г. Б.П.Полевой в журнале «Советская археология» в статье «О местонахождении Ачанского городка» написал, что Б.О.Долгих в сентябре 1956 г. «высказал еще одно суждение о местоположении Ачанского улуса. Он решил, что амурские казаки называли в середине XVII в. Ачанским улусом нанайское стойбище Ачма...» (у Б.О.Долгих — Амча. — Ю.В.) [11, с.132].

Однако внимательное изучение автором всего текста не обнаружило ничего подобного. «Приводим названия улусов натков и соответствующие им названия нанайских и ульчских селений по Шренку... Ачанский — Амча...» [3, с.132]. Вот и все. Может быть, что-то есть между строк?..

В этой же статье Б.П.Полевой указал, что Ачанский городок археологам надо искать в районе оз. Болонь: у горы Оджал или в том месте, где было с. Кхочинг [11]. К этому мнению присоединился и ученый секретарь Приамурского филиала Географического общества СССР А.А.Степанов. На средства филиала отрядом Института истории, филологии и философии СО АН СССР были проведены поиски в этом районе. В течение нескольких полевых сезонов (1972, 1973, 1978, частично в 1979 и в 1982 гг.) были проведены разведки и раскопки на мысе Кадачан. Как писал А.А.Степанов, они подтвердили гипотезу: «Самый низ многослойного культурного массива занят остатками древнего поселения тунгусов или их предшественников. Очевидно, где-то 1000–1200 лет тому назад на месте селения поднялась крепость эпохи средневековья. Позднее в ней обосновались предки нанайцев, которых Е.П.Хабаров называл ачанами. Четвертый слой, самый верхний и трудноразличимый (выделено мной — Ю.В.), явно относится к середине XVII века, времени вхождения земель Нижнего Амура в состав Русского государства» [13, с.108].

Когда-то я поинтересовался результатами раскопок у новосибирского археолога С.Глинского, работавшего на Кадачане, и получил ответ: средневековье — и никаких материалов, относящихся к «предметам русской культуры XVII века».

Итак, предположений о местонахождении Ачанского острога высказано достаточно. Одно, вроде бы, и «подкреплено» археологическими раскопками. Получилось так, что один Ачанский городок уже «открыли» и даже село переименовали... [2. Указ Верховного Совета РСФСР за № 1218 от 16 дек. 1977 г., с.852].

Надо отметить, что некоторые топонимические построения, связанные с названием хабаровского городка, проводились на основе порой не совсем корректных лингвистических изысков. С таким же успехом Охчинский хребет (междуречье Кура и Урми) можно посчитать Ачанским. И в том районе тоже есть древнее укрепление...

В некоторых документах говорится, что Хабаров «плыл вниз реки с войском и пришел в Отщанский улус, и тот улус своими людьми за боем взял и городок поставил» [13, с.101].

Нам представляется, что наиболее верный путь — понимание того, что городок был построен в земле ачанов. Надо идти не от топонимики, а от детального изуче-

ния отписки Е.Хабарова. Безусловно, на этом пути возникает немало трудностей: в опубликованном тексте многое описано слишком кратко, есть пропуски, особенно в тех местах, что нас интересуют. Иногда возникает вопрос: стоит ли до конца доверять автору? Попытаемся разобраться.

Итак, что же двигало казаками–землепроходцами? Зачем было идти в неведомую даль? На первом месте была цель: «...обложить их (иноверцев — Ю.В.) данью ясака, для Царского Величества. Это было законно, потому что дань есть по-слепотопная законность всего мира» [14, с.7]. Так писал Петр Андреевич Словцов в «Историческом обозрении Сибири». Он же далее несколько иронично объясняет: «Ясак был троякий.

а) податной по 10 соболей с женатого и вполы с холостого, по установлению Бориса, как будто женщины звероловствуют,

б) десятинный, т. е. десятый зверь всякой породы,

в) поминочный или поклонный, которого количество определялось доброю волею и усердием приносителя...

Правда Царь Борис запретил... сборщикам брать для себя поминки, из обещающий разсрочки, и возить с собою товары, для подмена рухляди (пушнины — Ю.В.) высокоценной на плохую, какую они достают за свои лоскутья; но в последствии вкралось столько подлогов и ухищрений, что ни наказания Государей, ни обещания милостивыя, ни угрозы гневныя не довольны были к прекращению разсчитанного грабежа. У воевод, разумеется не всех, рука руку мыла» [14, с. 18].

Конечно, ставилась и более глобальная цель — присоединение новых земель к России, которое позволило бы в дальнейшем гарантированно получать ясак — дармовую пушнину. «Наказ Якутского воеводы Димитрия Францбекова опытовщику Ерофею Хабарову» (при отправке его на Амур в марте 1649 г.) гласил: «...заказывати накрепко, устраивая Государевою грозой и смертною казнью, чтобы они торговых и промышленных людей грабить и побивать, и ничем теснить и избивать не велели». Но в то же время в случае непослушания и при отказе давать ясак и аманатов добровольно предписывалось «...промышлять войною... ратным обычаем, войною смирить...» [7, с. 69].

Условием успешного выполнения основной цели в чужой земле была безопасность, а ее обеспечивало современное по тому времени вооружение — огнестрельное оружие и умение владеть не только им, но и копейным, и сабельным боем. Одинаково значимы были: средства передвижения, питание и одежда. Без каждой из этих составляющих выполнение задачи значительно осложнялось и даже становилось невозможным. Но основным двигателем была жажда личной наживы, «чтобы враз разбогатеть». А за это охочие и вольные люди, служилые казаки готовы были претерпеть лишения и даже, надеясь на русский авось, рискнуть буйной головой. Авантюристов хватало во все века. Итак, по порядку.

Вооружение. В тех местах, где огнестрельное оружие и его действие аборигенам не были известны, необыкновенно силен был психологический эффект: гром выстрела, поражение на большом расстоянии без видимого внешнего воздействия (стрела, дротик).

У Е.Хабарова были три пушки, одна из них большая медная (полуфунтовые и фунтовая?). А после сражения 24 марта среди трофеев — 830 лошадей с хлебными припасами, 17 пищалей скорострельных, восемь знамен — оказались и две железные пушки (из шести) [8, с. 366]. Странно, каким образом при той панике богдойцы (маньчжуры) сумели утащить остальные четыре?

Вооружены казаки были «мелким оружием»: дульнозарядными гладкоствольными фитильными пищалами и мушкетами. Именно с фитильными замками! Откуда же взялись на Кадачане ружейные кремни (об этом сообщает А.Степанов)? Кремневые замки были изобретены в Европе в 1610 г., а на Руси они начинают постепенно вытеснять фитильные только около 1650 г. [1, с.147]. Но это в центральной России, а где Сибирь–то? Калибр мушкетов и пищалей был около 20 мм, вес

6–10 кг. При таком весе стрелять можно было только с упора или с сошек. Дальность полета пули была от 140 до 800 м, скорострельность 1 выстрел в минуту. Какова была плотность огня хабаровцев, нам не известно — все ли казаки были вооружены пищалями или мушкетами? Если все (кроме пушкарей), то это почти 200 выстрелов в 1–1,5 мин, да еще орудийный огонь. Потому-то и столь большие потери у противника, которого от пуль не спасали и доспехи.

У богдойцев пищаля замков не имели, но были трех- или четырехствольными — скорострельными. Толку от такой «скорострельности» было мало, больше грохота и дыма — затравка поджигалась вручную фитилем. Это снижало меткость стрельбы: надо было целиться в противника и одновременно не промахнуться фитилем в порох на полке действующего ствола или же стрелять вдвоем. Один целится, другой по сигналу подпаливает затравку.

Защитное снаряжение казаков — куяки (пластинчатые доспехи) хорошо предохраняли от «лучного боя» — стрел. Судя по записям, были и какие-то щиты, но о кольчугах ничего не говорится.

Средства передвижения — «...суды большіе и малые...» были построены в Албазине. Наверяд ли там жили специалисты-корабельщики. Поэтому нужно было знать, что и как строить, иметь чертежи, навыки и инструменты (пилы для роспуска бревен на доски, пилы поперечные, топоры плотницкие, тесла, долота, буравы и пр.). Суда строили из сырого леса: для сушки надо было много времени. Чтобы не было течи, их хорошо конопатили и смолили сосновой, еловой или лиственничной смолой. Пока суда находились в воде, древесина была разбухшей, и швы не текли. Но после зимнего отстоя Хабарову пришлось дощаники оснастить, т. е., видимо, проконопатить, подсмолить, а кое-где и подремонтировать.

Большие суда — «Ленские струги», дощаники [8, с.359]. Возвращался Хабаров на шести стругах, значит, столько их и было построено. Дощаник — палубное парусно-гребное плоскодонное судно. Длина до 30–40 м, ширина до 10 м. Сколько же было мелких судов (челнов, стругов), неизвестно. Не исключено, что по два на один дощаник.

Вместимость судов была 40–50 чел. В дальний поход подбирались люди, видимо, рослые и неслабые, весом не менее 5–6 пудов. К месту зимовки приплыли 206 чел. Значит, на одном дощанике могло быть 34–35 чел., т. е. почти 3 т веса. Вероятно, у судов был высокий фальшборт, не менее 80–90 см, что обеспечивало безопасность на палубе, защищало и при обстреле из луков.

Отправляясь в дальнюю дорогу, надо было запастись одеждой и обувью на все сезоны и особенно на зиму. Ранее, в 1638 г., покрученники Хабарова получили деньги «на корм и на платье и на обувь на три годы всем». Каждый получал «платье ношебное», т. е. повседневное, «платье, каково к промыслу годитца» (промысловое), и, наконец, «спальное платье, шубу да постелю на дву человек» (двухспальный меховой мешок) [4, с.47]. Хотя постелью для людей неприхотливых вполне могли служить нагольные шубы или трава, солома.

К общему весу добавим куяки, холодное оружие и «государев наряд»: пушки, пищаля, ядра, порох, свинец. По отпискам известно, что походные огнестрельные запасы — порох (зеле) и свинец — были весом по 30 пудов.

Кроме этого, «железная рухлядь»: косы, серпы, сошники, железо кричное, железные и медные котлы для приготовления пищи и посуда для еды, среди которой навряд ли были глиняные горшки.

Нужны были канаты, запасные паруса, парусина, нитки, дратва, куски кожи и ткани, иглы для ремонта снастей, одежды и обуви и многое, многое другое. Коротче говоря, из таких мелочей и набегает довольно приличный вес.

Водоизмещение и осадка дощаников нам не известны. Но сидели они в воде, видимо, не менее 1–1,5 м. А в пути на дощаники загружали и захваченный ясак, ясырь (пленников), скотину и лошадей: «и кони выбрали, на суды поставили и съ собою взяли» [8, с.361]. Это тоже немало увеличивало осадку.

Для ходьбы по фарватеру Амура большая осадка была полезна, особенно под парусом. Рейковое парусное вооружение позволяло совершать не слишком сложное лавирование, но при относительно попутном ветре, т. е. суда могли ходить, когда он дул не только в корму, но и под углом к ней или перпендикулярно к борту (фордевинд, бакштаг и галфвинд). Идти даже под некрутым бейдевиндом, т. е. под углом к встречному ветру, а тем более против него, было невозможно.

В отписке Е.Хабаров упоминает: «наскорль погребли внизъ» [там же, с.362]. Естественно, суда прежде всего передвигались с помощью длинных весел (от 6 до 20), на каждом из которых было, вероятно, не менее двух, а то и трех гребцов. Управляли дощаниками при помощи рулевого весла, или руля — кормила. Против течения, где позволял отлогий берег и не было попутного ветра, суда могли тащить бечевой. Но на Амуре в большую воду трудно пробираться вдоль берега сквозь заросли тальника, а в мелководье всюду, кроме фарватера, затяжные песчаные косы. В неширокие протоки дощаники не заходили (учесть надо и ширину дощаника с веслами), да и не было смысла: можно было сесть на мель, заблудиться, а то и попасть в засаду. На Амуре при обстреле из луков с берега можно было отойти к другой стороне, тем самым увеличив дистанцию. В протоке же это было невозможно. И вообще, подобные маневры приводили бы к потере времени. По этой же причине Е.Хабаров шел, видимо, одним караваном: разойдясь по разным руслам и протокам, пришлось бы потом долго искать друг друга. Но мелкие суда могли идти в пределах видимости как авангард. Из отписки видно, что челны использовались для быстрого нападения на прибрежные поселки.

Из документов известно: чтобы покрыть большее расстояние и в местах малонаселенных, хабаровцы плыли и по ночам. Значит, на дощаниках имелись места — трюмные помещения, навес, каюта, где свободные «от вахты» люди могли и отдохнуть, и укрыться от дождя. Вероятно, и ночевали на судах на плаву или становясь на якоря. Ночевать на берегу избегали, так как нужны были какие-то палатки или шатры и разбивка лагеря приводила бы к трате времени. Береговой лагерь мог подвергнуться и ночному нападению. Но в захваченных улусах казаки жили на берегу. И в Ачанском городке спали, раздевшись: при нападении богдойцев «...метались казаки на городъ в единыхъ рубашкахъ на стьну городовую» [там же, с.365].

На судах были устроены и очаги для приготовления пищи на ходу, что тоже сэкономило время. Топлива по берегам реки было предостаточно.

Продовольствие. Прожить без еды невозможно. И ее было нужно немало: ратный труд тяжел. Рассчитывать на военную добычу слишком не приходилось, на охотничий промысел также. Да и о нем нет ни слова. Это со стороны охота — легкое и приятное занятие (вспомним, как чуть не погиб в тайге В.К.Арсеньев во время одной из своих экспедиций, даже имея современное нарезное оружие). Значит, надо было следовать старой русской поговорке: «Едешь на день, хлеба бери на неделю». Из «Паспорта или проезжей грамоты, данной Хабарову при отправлении его из Енисейска, на Лену, в Мае 1638г.» известно, что он получил на 27 покрученников «две тысячи пудъ муки ржаной триста саженой сетей неводныхъ два пуда меди вкусахъ двадцать семь кафановъ бархатныхъ сто аршинъ суконъ сермяжныхъ».

В отписке от 1652 г. Е.Хабаров извещал: «...кормились мы казаки во всю зиму в Ачанскомъ городьъ рыбою, а рыбу ловили крюки жельзными и свою голову тою рыбою кормили...» [там же, с.365]. Но нигде не сообщается, что на мясо забивали трофейную скотину и лошадей. Возможно, это «невинная» хитрость, дабы показать, как казаки страдали за государево дело. В отписке много подобных мгновений. К примеру, «свирльпые Дауры», которых хабаровцы побили «болшихъ и малыхъ шестьсотъ шестьдесятъ одинъ чelовлькъ, нашихъ казаковъ убили они Дауры четырехъ чelовлькъ»... [там же, с.360]. Вот вам и свирепые!

На всем протяжении основного русла от устья Сунгари левый берег Амура низменный, с многочисленными крупными и мелкими протоками, протоками и озера-

ми вплоть до с. Омми, закрытого островами. На левобережье есть возвышенности, но находятся они в стороне от основного русла Амура. К таким местам относятся и район оз. Болонь. Вход туда через протоку Серебряную. При низком уровне Амура течение в ней направлено из озера. А осенью уровень воды в Амуре падает, начинает приближаться к межени и к отрицательным значениям. Поэтому, по указанным выше причинам, «наплыть» на район Кадачана хабаровцы никак не могли. Туда надо было плыть целенаправленно, уходить с Амура и грести веслами или же пользоваться парусом. Да и зачем было забираться «в дебри»? Район Малмыжа был прекраснейшим местом и для зимовки, и для грабежа. В большой протоке около поселка ачанов можно было поставить суда. А кроме этого, лучшего наблюдательного пункта, чем Малмыжский утес, не найти. Но все же Е.Хабаров ушел вниз.

Итак, нужно просчитать пройденный отрядом путь, считая, что основное русло Амура кардинально не изменилось за прошедшие 350 лет. Естественно, река — живой «организм», и определенные гидрологические процессы происходят здесь всегда. В некоторых участках река за лето при большой воде размывает до 10 м берега.

Однако нам совершенно не известно, сколько километров проплывали суда за день. Шли основным руслом Амура или его крупными протоками? Плыли ли они только сплавом или же использовали паруса и весла? Во всех этих случаях скорость будет различной, как и пройденное расстояние. Если только сплавом, то скорость будет чуть быстрее течения, но не более 4–6 км в час. На веслах она может быть 6–9 (смотря как грести: слегка или «наскоре»), а под парусом при попутном ветре уже и более 10–15. Но осенью по большей части дует низовик. И при большой парусности корпусов дощаников он способствует их сносу и замедлению скорости.

За день, будем считать «съ зари до схода солнца», т. е. с 9 до 19 ч (а может, с 8 до 20) могли проходить сплавом и под веслами не менее 40, а то 60 км и более (до 90). Но сколько часов шли и какое расстояние проходили в день конкретно? Ведь плаванье по Амуру ниже Зеи для Хабарова было цепью непрерывных военных побоищ не только днем, но порой и ночью: «плыли два дня да ночь и улусы громили, все улусы... и мы в тех улусах многих людей побивали и ясырь имали» [там же, с.364]. Значит, и время пути, и пройденное расстояние становятся меньше. Возможно, ночью из опасения сесть на мель использовали только течение, а веслами работали только тогда, когда оно или ветер относили в сторону от фарватера.

От устья Сунгари до Хабаровска расстояние 275–280 км. Эти километры хабаровцы плыли тоже «два дни да ночь, и улусы громили, всь улусы, а юрть по штидесять и по семидесять въ улусь» [там же, с. 364]. Делим на 3 и получаем по 90 км в день, т. е. почти по 8 км в час. Значит, шли на веслах. Скорее всего, это районы правобережья Амура, включая нынешний Хабаровск и его окрестности ниже Воронежа. Всего же от Сунгари (Шингалу) вниз по Амуру отряд плыл 7 дней.

Ниже Хабаровска поселки могли быть только в районах Сикачи–Аляна и вдоль правого берега до с. Сарапульского, а затем вплоть до Троицкого тянутся пустынные пойменные берега. «Улусы», которые были здесь, находились вне видимости с Амура, по берегам проток. Какие-то поселки могли быть от Троицкого до Славянки. Поэтому скорость сплава могла быть и больше за счет отсутствия объектов грабежа. Да и надо было спешить к месту зимовки. Еще до 7 сентября (17 по новому стилю) в Толгином городке Хабаров подумал, «что тут зимовать не на чемь, хльба близко города неть, а время испустимъ ...» [там же, с.364].

На восьмой день пути (утро, обед, вечер?) «...стоит на правой стороне на Каменю улусь великъ горазно, и съ того мьста люди пошли имя Ачань» [там же, с.364]. Камнем на Руси называли и утес, и скалистую гряду, и горы вообще. Урал

был Камнем, Хинганская «труба» тоже. Где же на Амуре есть такой примечательный Камень, но подходящий по времени сплава? Посмотрим на карте правый берег. Были ли там Камнем утес в местности Бури (Боли) — будущий г. Хабаровск, Воронежские сопки, Джаринская скала или Иннокентьевка (но она в протоке)? Скорее всего, нет, хотя все они тоже были «Камнями». Е.Хабаров отметил один Камень. Все, кто хоть раз плывал по Амuru от Хабаровска до Комсомольска, скажут, что это Малмыжский утес. Получается, что он (выступ Майе, по Р.Мааку) [5, с.193] был своеобразной границей между дючерами и ачанами (В.Поярков последних называл натками).

От Сунгари до Малмыжа около 550 км, при 8 днях пути проходили ежедневно более 65 км. Задержались ли казаки здесь и насколько, неизвестно, но не пограбить большой улус было грешно.

После Малмыжа Хабаров плыл еще «двои сутки» [там же, с.364], т. е. два дня и две ночи. Видимо, грабить здесь было некого, места были малонаселенными. Если плыли без остановок, то путь составил 48 ч чистого времени, т. е. при скорости в 4–5 км это от 190 до 240 км, плюс–минус 40–50 км! А если скорость больше? То пройденное расстояние может быть и еще значительнее, до 350 км. В любом случае получается где-то ниже г. Комсомольска. А после двух суток пути «... стали приходить улусы юртъ по сту, и какъ къ улусу въ стругахъ прильдем, и они на берегъ вскочили и изъ за струговъ с нами дерутся...» [там же, с.364]. «И сентября в 29 день наплыли улусъ на лъвой сторонь, улусъ великъ, и язъ приказной Ярофейко и служилые и волные казаки посовѣтовали, и въ томъ улусь усовѣтовали зимовать, и тутъ городъ поставили, и съ судовъ выбрались въ городъ...» [там же, с.364]. Кстати, здесь нет и намека на какие-то боевые действия. Упоминается почти обо всех схватках, а здесь нет.

Хотя казаки, уверовав в свои силы и военное счастье, ничего не боялись: они «многих людей побили и порубили» [там же, с.364] на своем пути, но острог все же поставили. Правда, есть и другие суждения. Так, С.В.Поляков в своей изветной челобитной сообщает: «И как доплыл до Ачансково улуса и тут в улусе стал и почал он, Ярофей, зимовать, не поставя ни острогу, ни крепости. И тут мало наших голов не потерял и твою государевы казны, а пушкам ни роскатов, ни быков не поставил, а поставил среди улицы просто» [10, с.36]. Насколько это верно, сказать трудно, но будем считать, что после первого нападения ачанов какое-то укрепление было все же построено. Если бы его не было, то потери были бы гораздо более велики!

Немаловажными были критерии при выборе места для городка.

1. Почему казаки остановились в районе большого улуса? Ответ прост: место было выбрано людьми, прожившими здесь не один год; те, кого собирались грабить, были под рукой. И потом жить здесь долгой зимой было веселее... Наверное, много по Амuru осталось невольных потомков хабаровцев...

Располагаться городок должен был на ровном участке, чтобы обеспечить возможность кругового обстрела. Лезть в сопки не было смысла: возникли бы проблемы с питьевой водой, тем более в случае осады. Да и в средневековом Приамурье по тем же причинам на высоких утесах городищ обычно не строили, хотя они там были бы неприступными. Точно так же не должно быть рядом и господствующих высот, чтобы не было опасности сквозного обстрела. Место зимовки должно быть удобным, защищенным от холодных ветров, с хорошим строевым лесом и топливом.

2. Не стоит забывать, что в защите нуждались и суда. Если бы их сожгли ачаны, то отряд Хабарова надолго застрял бы на Амуре, что могло иметь фатальные последствия. Возможно, в трюмах судов мог храниться ясак. Значит, острог должен быть недалеко от берега. Суда должны быть готовы к движению с ледоходом, сведений, что их вытащили на берег, нет. Вероятно, не лишней оказалась бы глубокая протока или залив, куда можно поставить дощаники.

Этим условиям как раз и соответствовал местный поселок.

Что же представляли из себя русские острожки вообще? В 1655 г. приказный человек Онуфрий Степанов в своей Отписке Якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому писал о Комарском остроге следующее. «А острог у нас был поставлен на валу стоячей, а по углам вывожены были быки, а тот острог ставлен по снегу в самом заморозе ноября в 2 день, а круг того острожку копали ров, а тот ров копали зимою, мерзлой земли секли в вышину сажень печатную, а ров в ширину две сажени, а круг того рву бит чеснок деревянной, а круг того чесноку деревянного бит чеснок железной стрелной опотайной;

...а в остроге были исподней и верхней бои, а внутрь острожной стены засыпали хрящем с нижнего бою и до верху от пушечного бою, и в том остроге копан был у нас колодезь пяти сажен, а из колодезя были вывожены жолобы на все 4 стороны вышина 6 сажен печатных, для зажегу, да были сделаны на остроге козы железные, а в тех козах зажигали смолье для свету и для их Богдойского ночного приступа, чтоб от того видети было Богдойских людей за стеною, да ставлено было к острогу для их лестниц и щитов судовое дощеничное дерево высокое, да были на острожке кладены кадки для их Богдойских людей навального приступа, да в острожке срублен был роскат и с того раскату били мы из пушек по тому Богдойскому войску» [9, с.29, 30].

Ачанский острожек был, конечно, много проще. Срубили его 206 чел. всего—то за 5 дней! Но это потребовало немалого труда. Надо было свалить деревья и обрубить сучья, раскряжевать на бревна, сплотить острожные стены с бойницами, построить избы, очаги и проч. Вполне может быть, что «ни роскатов, ни быков» не было поставлено. Но Е.Хабаров сообщает, что при первом приступе: «и съ башень по нихъ Ачанъ и Дючеръ изъ пушекъ били и изъ мелкого оружья» [там же, с.364]. Скорее всего, не было ни рвов, ни валов, а только бревенчатые стены: «...и у того нашего города вырубиле они Богдойские люди три звена стълны сверху до земли» [там же, с.365]. Возможно, и изб не строили, а заняли брошенное местными жителями жилье или же попросту выгнали хозяев (скорее всего, они сбежали сами). Нужно было заготовить и дрова.

От городка и припасов зависела зимовка — спокойная и сытая. Требовался дополнительный запас какого-то продовольствия. «И октября въ 5 день оснастили мы два судна, и парусы вверхъ бльгали сто человекъ для корму по рыбу, и ходили въ тотъ походъ пять дней, и те свои суды въ техъ улусахъ въ двухъ нагрузили» [там же, с.364] (и рыбу—то не сами поймали, а отняли! Видели, надо полагать, ранее на вешалах юколу).

И вот здесь—то произошло первое испытание городка. Воспользовавшись отсутствием половины людей, 8 октября дючеры и ачаны «человлькъ съ тысячу...изъ прикрыта (выделено мной — Ю.В.) напустили» [там же, с.364], т. е. напали на городок на стругах из—за прикрытия, засады. Но хабаровцы отбились, положив в схватке 117 иноверцев. Потеряли же всего одного человека — Никифора Ермолаева.

Вот и первая могила в чужой стылой ачанской земле.

На другой день вернулись «рыбаки», «и тотъ городъ накрльпко укрльпили, и въ томъ городе зимовать стали» [там же, с.364]. Но без дела не сидели: ловили рыбу из—подо льда и... продолжали грабеж местного населения. «И ноября въ 28 день подсмотрили холопи государевы служилые люди и волные охочие казаки иновльрские дороги санные, и лздять на собакахъ...» [там же, с.365]. И Хабаров посылает 120 чел. на грабеж. На третий день вернулись с пленниками, среди которых были два брата князя Кечи, «а иныхъ улусныхъ мужиковъ многихъ побили» [там же, с.365]. За пленников был получен ясак. Грабили, вероятно, и другие улусы — с пытки узнавали многое... «...и язъ Ярофейко тльхъ аманатовъ пытал и жогъ» [там же, с.363] ... «сказываютъ до Гиляковъ поплаву десять дней, а Гиляки живутъ до моря и кругъ моря» [там же, с. 368].

«И жили холопи государевы служилые и волные охочіе казаки въ томъ городѣ зиму» [там же, с.365].

Однако обеспокоенные богдойцы не могли смириться с разбоем русских и в декабре собрали конное войско в 600 чел. и отправили его на Амур из Нюлгуцкого города (Нингуты). На двух человек была одна заводная или вьючная лошадь. По дороге отряд пополнялся дочерами и ачанами и вырос числом более 2000 чел. В войске было 6 железных пушек, 30 пищалей, 12 пороховых «пинард» (петарды — пороховые мины пудового веса) для подрыва стен. Добирались до места боя 3 мес.

И вот «марта въ 24 день, на утренней зорь, сверхъ Амура рьки славные ударила сила изъ прикрыта (выделено мной — Ю.В.) на городъ Ачанской на насъ казакъ, сила Богдойская, всль люди конные и кучачные...» [там же, с. 365]. Не будем описывать бой, но хабаровцы положили 676 чел., а потеряли 10. А если б не было никаких укреплений, то сколько бы казаков было убито еще?

Копали могилы для своих ранней весной, в мерзлой земле. Вот и еще 10 могил, или одна на всех погибших — братская.

«И апреля въ 22 день (т. е. 1 мая), оснастя свои суды шесть дощаниковъ, пошли мы язъ Ярофейко съ казаками на тльхъ судахъ вверхъ...» [там же, с.368].

Ушли, оставив могилы погибших товарищей...

Итак, где же искать Ачанский городок? Подведем краткий итог.

1. Подсчитав дни пути, обнаружим, что из описаний выпали три: 7 сентября плыли из Толгина городка дальше, 15 сентября были на устье Сунгари, 23 (2 октября) — на Малмыже, а потом еще 2 сут плыли вниз. Судьба этих 3 дней неизвестна. Могли после 25 сентября плыть три ничем не примечательных дня, возможно, отвлекаясь на схватки и грабеж. Могли где-то простоять, хотя бы и в Малмыже. Значит, путь мог составить еще километров 160–200 или больше. Выходит, что остановиться на зимовку хабаровцы могли где-то в пределах от Верхнетамбовского и чуть ли не до Киселевки (почти 150 км). Изучив карту этого участка, можно отметить не менее семи мест левобережья, подходящих для поисков.

2. Есть и еще одна подсказка к поискам: до моря от Ачанского городка было 10 дней сплава, т. е. не меньше 400 км (до Циммермановки), примерно тот же район. Тем более, что ниже Киселевки вплоть до Холанского переката и далее левый берег низменный и мало пригодный для жилья.

3. От Нингуты до примерного места сражения (я бы назвал его вернее — бойня) никак не менее 900–1000 км. Богдойский отряд отправился в поход, наверное, в конце декабря, и шел до Ачанского городка 3 мес. Это почти 90 дней пути. Конечно же, были остановки на отдых, на прием пищи. Надо было где-то ночевать. При ледоставе на Амуре образуются многочисленные торосы, которые весьма затрудняют передвижение. Снегопады и метели тоже отнимали время. Сколько километров в день по свету мог делать конный отряд с обозом по заснеженному льду Амура, по бездорожью? Видимо, не более 10–15.

4. Острок должен быть на левом берегу Амура, в удобном для жилья месте, с «прикрытом», т. е. закрытым сверху высоким мысом, крутой излучиной реки или заросшим островом (но надо учесть, что зимой прибрежный лес прозрачен): оба раза — по воде и по льду — на хабаровцев нападали «изъ прикрыта». Где же этот загадочный «прикрыт»? Прекрасно подходит сюда район г. Амурска, но это слишком близко. Да и попасть сюда можно, если идти не по основному фарватеру, а по протокам Падалинской или Старый Амур. Проводить же сейчас поиски в Амурске бесперспективно. Не в пользу Амурска может свидетельствовать и тот факт, что в районе с. Вознесенского было найдено несколько чугунных ядер, хотя они могут относиться и к более поздним походам.

Естественно, становясь на зимовку, казаки не учли, да, видимо, попросту и не подумали, что расположение городка стратегически не выгодно: подступы к нему сверху реки находятся в «мертвой зоне» — за «прикрытом». Когда же это выяснилось после первого нападения, переезжать было поздно. Да и к чему? Урок мест-

ным жителям был преподан суровый — 117 чел. убито. Да и не могли же казаки представить себе, что богдойский отряд три (!) месяца будет добираться до них из неведомого г. Нингуты. Знать, серьезно обеспокоились маньчжуры столь глубоким проникновением русских на Амур.

5. Поскольку двинулись в обратный путь в начале мая, значит, суда стояли на глубоком месте, т. е. не обсохли. А весенний паводок на Амуре редко бывает большим. Выходит, около Ачанского городка было достаточно глубоко. Ловили рыбу «крюки железными», возможно, это говорит о наличии рядом зимовальных ям, где скапливается много рыбы. Тот же «прикрыт» здесь сыграл положительную роль: защитил суда от ледохода.

6. Какой культурный слой мог отложиться за 7 мес. жизнедеятельности 200 чел. зимой? Мы даже не знаем, сколько изб и какие построили казаки, что за печи или очаги (глинобитные или каменные) были в них, топились ли они по черному или по белому. Но от них должны сохраниться остатки, угли и зола. Если были вал и ров, то заплыли, но следы все же остались при условии, что это место не было застроено в последующие годы. Деревянные стены городка, рубленые избы и проч. давно сгорели или сгнили, и ветер развеял их прах по земле. Если были построены землянки, то остались следы котлованов. На этом же месте могут быть найдены какие-то следы ачанского стойбища, предметы материальной культуры.

7. Бесспорным свидетельством местонахождения Ачанского городка могут быть могилы одиннадцати казаков, погибших во время штурма, или одна братская могила: европеоидные черепа будут отличны от черепов местных монголоидов. Сохраниться должны остатки одежды, обуви и нательные кресты.

А где же и по какому обряду похоронены 676 чел. богдойцев, ачанов и дочерев? Самим нападавшим, разбежавшимся в ужасе перед смертью, заниматься этим было некогда. И не жили же хабаровцы больше месяца в окружении горы трупов? Или заставили местных жителей заняться похоронами, или сами спустили убитых под лед Амура? Последнее наиболее вероятно.

Итак, остается только подтвердить или опровергнуть высказанную гипотезу путем археологических поисков. Но иголку в стоге сена отыскать проще, чем сравнявшуюся с землей братскую могилу погибших соратников Хабарова.

Послесловие

В конце сентября 2001 г. Приамурским филиалом Географического общества была организована небольшая экспедиция. Ее задача — рассмотреть возможность существования Ачанского городка в районе оз. Болонь. В составе были: сотрудники Института водных и экологических проблем РАН доктор географических наук А.Н.Махинов и н.с. В.Ким, ученый секретарь Приамурского филиала Географического общества В.И.Симаков, научный консультант фирмы «Вэлком» Н.Е.Спижевой, специалист по вооружению М.И.Куцак и автор. После обследования мыса Кадачан и его окрестностей наше мнение было единодушно: Ачанский городок там находиться не мог. Районы Малмыжа и Верхнего Нергена со всех точек зрения для зимовки были наилучшими.

Именно эта поездка и явилась для меня толчком к знакомству с материалами похода Хабарова в 1651–1652 гг., тем более что автор ранее на теплоходе, моторной лодке и катере не единожды прошел путь до Троицкого, Комсомольска, Богородского и Николаевска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1974. Т. 17.
2. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 51 (101), 22 дек. ст. 1218.
3. Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам // Сб. статей по истории Дальнего Востока / Ред. акад. М.Н.Тихомиров. М.: АН СССР, 1958. С. 125–142.
4. Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М.: Просвещение, 1991. 143 с.

5. Маак Р. Путешествие на Амур в 1855 г. СПб., 1859. Отд. 1. 531 с.
6. Медведев В.Е. Приамурье в конце I–начале II тысячелетия. Чжурчжэньская эпоха. Новосибирск: Наука, 1986. 205 с.
7. Наказ якутского воеводы Дмитрия Францбекова опытовщику Ерофею Хабарову, о походе в Даурскую землю // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. 1645–1676. СПб., 1842. Т. 4. 416 с.
8. Отписка Якутскому воеводе Дмитрию Францбекову служиваго человека Ерофея Хабарова, о военных действиях его на реке Амуре и о проч. // Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою Комиссиею. СПб., 1851. Т. 3. 539 с.
9. Отписка Якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому приказного человека Онуфрия Степанова, о присылке в Комарской острог пороха, свинца и писчей бумаги и о приступе Богдойских ратных людей к означенному острогу // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т.4. 416 с.
10. Полевой Б.П. Изветная челобитная С.В.Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко–археологические исследования). Владивосток, 1995. Т. 2. 239 с.
11. Полевой Б.П. О местонахождении Ачанского городка // Сов. археология. 1960. № 3. С. 328–333.
12. Рябов Н.И., Штейн М.Г. Не искажать историю // Дальний Восток. 1954. № 4. С. 180–184.
13. Сафонов Ф.Г. Ерофей Хабаров. Хабаровск: Кн. изд-во, 1983. 112 с.
14. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. 690 с.
15. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. 1. 323 с.